

DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.12

УДК 303.621.322

Правильная ссылка на статью:

Оберемко О. А. О фальсификации, фабрикации и мистификации в методике: Рец. на кн.: Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 227-236. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.12

For citation:

Oberemko O. A. On falsification, fabrication and mystification in technioques. Book review: Rogozin D.M., Ipatova A.A. "Naskolko razumna nasha vera v rezultaty «bumazhnykh» kvartirnykh oprosov?" // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 4. P. 227-236. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.12

О. А. ОБЕРЕМКО

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ, ФАБРИКАЦИИ И МИСТИФИКАЦИИ В МЕТОДИКЕ:

Рецензия на книгу: Рогозин Д. М., Ипатовой А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М.: Радуга, 2015.

Сюжет и жизненный, и простой: полстер провел заказной поквартирный опрос. Через 4–6 месяцев методист (от лица заказчика) прошел по двум маршрутам опроса и обнаружил следы только одного из 22 заявленных респондентов (глава 1). Шокирующий результат подвиг на дальнейшие поиски.

Погрузившись в изучение отчетной документации о ходе опроса (с. 29), Методист только в 15 из 70 маршрутов не обнаружил грубых нарушений: противоречий между разными документами, указаний на несуществующие и нежилые дома, нарушений шага отбора квартир (с. 46). В главе 2 и первой части главы 3 приведены примеры того, как перенос данных маршрутного листа на доступную в Интернете карту позволяет, не выходя из кабинета, обнаруживать отклонения от правил прокладки маршрутов и выдвигать гипотезы о применении интервьюерами уловок для фальсификации маршрута: «маршрутный лист подгоняется под «получившихся» респондентов» (с. 49). Анализ документов поставил вопрос о фальсификациях, производимых не только внештатными интервьюерами, но и штатными сотрудниками опросной фирмы. Сжатое изложение сути обнаруженных ошибок (по небрежности) и фальсификаций (намеренных), допущенных на институциональном уровне, занимает более 2 страниц (с. 40–42).

Из 15 наиболее качественно оформленных маршрутов повторно были пройдены 6 (см. частично главу 3 и целиком главу 4). Новые данные лишь усилили скепсис: по маршруту действительно ходил лишь один интервьюер, хотя и с грубыми отступлениями от инструкции, способными вызвать не поддающиеся оценке смещения (с. 65). Подчеркнем: этот вывод сделан после повторного прохождения 6 маршрутов, отобранных (правда, не указано, как именно) из 15 наиболее качественно оформленных. Такую выборку можно отнести к выборкам крайних случаев: логично ожидать, что в маршрутах, оформленных с грубыми нарушениями, дела обстоят еще хуже.

И все-таки остается слабая надежда на то, что с пройденными 8 маршрутами из 70 методисту просто не повезло. Хотя бы потому, что пояснений логики и механизмов отбора маршрута авторы не приводят (а должны были бы в методической публикации). Последняя надежда умирает по прочтении главы 5, повествующей об опыте двух «тайных интервьюеров» — методистов, негласно устроившихся интервьюерами в другую опросную компанию. Проводя включенное наблюдение, они на себе испытали институциональные побуждения к такому стилю выполнения профессиональной роли интервьюера, который только и может приводить к шокирующим результатам, описанным в главах 1–4. Наблюдение среди прочего позволило зафиксировать отношение внутри фирмы к профессии интервьюера как к занятию, не требующему ни особого обучения, ни даже простого инструктажа, фактическую легитимацию фальсификации данных (с. 93–112).

В итоге получены эмпирические свидетельства о типичности — едва ли не тотальности — фальсификаций и фабрикаций данных в «бумажных» квартирных опросах на индивидуальном и институциональном уровнях. Под *фальсификацией* авторы предложили понимать изменение собранных данных, под *фабрикацией* — итог чистой выдумки без какого бы то ни было сбора данных (с. 14). Вопрос о разумности веры в результаты «бумажных» опросов, вынесенный в заглавие, получает однозначный негативный ответ.

«Все можно объяснить текучестью, изменчивостью социальной среды, лукавством респондентов, не желающих сообщать свои данные, особенностью опросной технологии, реализуемой в анонимной обстановке и не предполагающей вторичных посещений, но если воспроизводство данных принципиально невозможно, чего стоят социальные прогнозы и научные обобщения обществоведов?» — задаются вопросом авторы в заключении. И тут же отвечают: «Их цена — не больше цены рыночной сплетни, досужего домысла, анекдота, рассказанного на бегу» (с. 114).

Диагноз сформулирован эмоционально и недвусмысленно. Разумность веры в результаты «бумажных» квартирных опросов развенчана. Чувствуется дыхание истории: когда-то новая генерация опросов сменила опросы «соломенные» [Батыгин, 1995: 20–22; Докторов, 2006: 70–85], теперь электронные опросы отправляют на свалку истории опросы «бумажные». Уяснив после первого чтения смысл интригующего заглавия, ставим задачу для второго чтения: проверить валидность диагноза, установить, в какой степени использованные процедуры измеряют именно то, что предполагалось измерить [Bohrnstedt, 2000: 3207 and ff.].

А что, собственно, измерялось?

В разных местах фокусу (предмету) исследования даются различные трактовки. Лейтмотивом по всем главам проходит тема, заявленная в аннотации — «контроль качества опросов» — выявление некорректного ведения опросной документации, фальсификаций и фабрикаций (с. 2) на примере двух опросных компаний, как сказано, из первой российской десятки; этот лейтмотив обязательно присутствует в начале (постановочная часть) и в конце (выводы) каждой из 5 глав, например:

«Фабрикация и фальсификация — предмет настоящего исследования. Как они возможны? Как реализуются и объясняются?» (с. 15, глава 1).

«В ходе включенных наблюдений мы обнаружили очевидные приписки и фабрикации, допущенные во время полевых работ» (с. 16, глава 1).

«...Наблюдались (...) нарушения исследовательской этики (...) нельзя оставить без внимания фальсификации интервьюеров, а также “подбивку” данных под требуемые» (с. 31, глава 2).

«Прежде всего мы просмотрели маршрутные листы на предмет ошибок. Далее проверили наличие домов (...), после чего — нарушение шага интервьюерами» (с. 46, глава 3).

Озабоченность понятна: с вымышленными данными наука превращается в фарс. Авторы совершили мужественный поступок, назвав вещи своими именами.

В то же время в тексте есть места, где интерес к фабрикациям и фальсификациям отрицается и утверждается иной предмет — *устойчивость* и *воспроизводимость*, правда, чего именно, не всегда понятно. Например:

«Задача нашего этнографического проекта — не контроль качества работы, а проблематизация устойчивости и надежности собранных материалов. В ходе включенных наблюдений мы обнаружили очевидные приписки и фабрикации, допущенные во время полевых работ. Однако это можно рассматривать лишь как побочный результат предпринятого наблюдения. Насколько устойчивы методические данные, связанные со сбором социальной информации? Можно ли обнаружить референты социальной реальности [...], которые зафиксированы в отчетной документации интервьюера [...]? Насколько воспроизводимы результаты опроса со временем, при полном соответствии запротоколированной интервьюером процедуры интервьюирования?» (с. 16).

Вопрос о возможности обнаружить задокументированные «референты социальной реальности» вновь отсылает нас к фальсификациям, но его окаймляет выраженный интерес к устойчивости «методических данных» и к воспроизводимости «результатов опроса со временем». Если первый интерес выражен туманно (неясно, что имеется в виду под устойчивостью «методических данных», которая подлежит обнаружению), то второй просто объявляет совершенно новый предмет исследования. Нельзя двусмысленность отнести к сильным сторонам методического текста, амбивалентность — тем более (в отличие от рекламного текста). Тем более что о воспроизводимости «результатов опроса со временем при полном соответствии запротоколированной интервьюером процедуры интервьюирования» речи вообще не идет. В повторном обходе, во-первых, исходный вопросник не использовался, во-вторых, *полного соответствия запротоколированной интервьюером процедуры интервьюирования* не обеспечивалось, о чем подробно сказано ниже.

Этнография или эксперимент?

В тексте можно видеть пример реализации смешанной методологии, которая получает в последние годы освещение как методологическая инновация. Сами авторы прямо на эту

инновацию не указывают (что для методического текста опять-таки плохо), но квалифицированный читатель без труда ее подметит. С одной стороны, аннотация обещает «результаты методических экспериментальных планов по контролю качества [массовых] опросов», авторы говорят о трех «экспериментальных планах» (с. 8–9), но с другой — та же аннотация обещает «детальное описание и анализ культурных норм и реальных практик полевых отделов опросных компаний», а во введении проект называется этнографическим (с. 16). Отнесение проекта к этнографическому имеет некоторые основания: глава 5 целиком написана по материалам включенного наблюдения как целостной исследовательской стратегии, а по впечатлениям от обходов маршрутов (главы 1, 3, 4) велись дневники. Однако дневниковые данные играют подчиненную роль, служат материалом для кодирования респондентов по закрытому списку категорий, и, отражая «субъективное восприятие окружающей действительности» полевым исследователем, лишь «помогают наилучшим образом окунуться в атмосферу опросной работы» (с. 65). Возможно, неметодичная постановка цели «окунуться» и привела к тому, что обещанного аннотацией «детального описания и анализа культурных норм и реальных практик полевых отделов опросных компаний» в тексте нет вообще, ни в части «детального описания и анализа», ни в части репрезентации «полевых отделов опросных компаний».

Считать исследование экспериментальным оснований еще меньше. Экспериментом принято называть затею, когда «исследователь манипулирует одной или более ключевыми переменными», по сравнению с другими методами с его помощью находятся «более убедительные каузальные объяснения» [Marwell, 2000: 887]. Экспериментальный план связан именно с реализацией эксперимента.

Суть же заявленных экспериментов состоит в том, что результаты работы штатных интервьюеров из опросной «фабрики» (отраженные в маршрутных листах) сравнивались с результатами нового обхода маршрутов, проведенного методистами с временным лагом в 4–5 месяцев. В первом случае респондентов опрашивали по длинной и трудной анкете, во втором методисты искали подтверждения тому, что респондента с запроотоколенными характеристиками (имя, пол и возраст) действительно опрашивали (или действительно проживает, а значит, мог опрашиваться!) по указанному адресу (с. 17).

Обещанные разные экспериментальные планы на проверку оказались улучшающими модификациями одной и той же процедуры аудита. В первой версии методисты потратили на каждый из двух маршрутов по одному часу, обращаясь только в квартиры, где по опросным документам проводились интервью (с. 21, 24). Методисты старались опросить либо их жителей, либо соседей; последних, естественно, можно было только спросить о том, проживает ли человек с указанными характеристиками в интересующей квартире — о факте опроса соседи едва ли могут считаться надежными информантами. В итоге из 22 адресов были найдены косвенные следы лишь одного респондента: соседи подтвердили совпадение протокольного имени с именем жильца и несовпадение по возрасту. Также было обнаружено протоколирование 3 несуществующих квартир, в 7 случаях жильцы или соседи отрицали проживание людей с протокольными именами, а 11 (!) квартир оказались недоступны по двум причинам: либо в них никто не открыл (и соседи не открыли тоже), либо к ним не было доступа (кодовый замок в подъезде). Судя по тексту, больше никаких данных методисты при обходе первой версии не фиксировали. Во второй версии дополнительно фиксировались дата и время прохождения маршрута (с. 52), что, как минимум, дает полезную информацию

для возможных сравнений с временными характеристиками запротоколированных посещений исходного интервьюера. Однако никаких следов сравнения, выравнивания по временным характеристикам второго обхода с первым текст не содержит; очевидно, что фиксация времени была данью «этнографии», а не «эксперименту». Только в третьей версии «маршрутный лист должен был полностью, со всеми обращениями, дублировать маршрут, по которому ходил интервьюер» (с. 50–51, см. также с. 66, 68). Но зато из методического описания исчезли указания дат и времени прохождения маршрута; их приходится искать только внутри цитируемых дневниковых записей. Вопросник исходного опроса не использовался ни в одной модификации проведенного аудита.

Описанный дизайн не дает оснований называть повторное измерение экспериментальным планом. Здесь нет места ни манипулированию ключевыми переменными, ни каузальным объяснениям; по крайней мере, причинно-следственные связи попросту не проблематизированы в постановке цели и задач исследования. В терминах Д. Т. Кэмпбелла представленное в книге исследование выполнено по *доэкспериментальному* плану [Кэмпбелл, 1980], так что притязания авторов на выполнение экспериментальной работы несостоятельны.

Правда, если использовать термин «эксперимент» в этнометодологическом ключе, обозначая им процедуру выявления «странности устойчиво знакомого мира» [Гарфинкель, 2007: 49], у такого употребления есть основания. Ведь полученные результаты, как и «гарфинкелинги», способны вызвать у подопытных всю палитру переживаний — от неловкости до негодования.

Подобное качество методического описания проекта ставит вопрос: мы рецензируем пример смешанной или невнятной методологии?

Третий путь: «(не)достижимость на маршруте»

Очередную — третью! — формулировку предмета исследования мы находим в главе 4, когда авторы эксплицируют (новую) цель своего исследования: «Посмотреть, как варьируется достижимость на маршруте массового личного поквартирного опроса» (с. 66). Подробные описания результатов на этот раз гуманно предваряет итоговая таблица⁷⁴. В ней термином «достижимость» (response rate) обозначаются принципиально разные референты. Столбец 3 «RR опросной компании» содержит данные о достижимости респондентов, рассчитанные по маршрутным листам: интервьюер (предположительно, как положено по стандартной инструкции) фиксировал всякую попытку установить контакт с жителями квартир, из этих попыток некоторые были удачными; отношение удачных попыток к общему числу попыток, умноженное на 100%, составляет response rate. Столбец 4 «RR наш» содержит тот же показатель для повторного опроса. Столбец 5 показывает расхождения между двумя уровнями достижимости в процентных пунктах (которые названы процентами, с. 68). На двух маршрутах разница в 16 и 7 п.п. авторам показалась существенной; как был сделан статистический вывод о существенности разницы, авторы умолчали. Дальнейшее изложение имеет следующую задачу: «Для того чтобы понять причины таких различий, подробно опишем сами маршруты и происходившую на них коммуникацию» (с. 68).

⁷⁴В предыдущих главах таких таблиц, обобщающих результаты, авторы почему-то не приводят.

Задача «понять причины различий» адекватна методу эксперимента, но на него не может ответить простое повторное измерение. Собственно, по тексту авторы за решение этой задачи благоразумно даже не берутся, завершая главу указанием на нелогичность зафиксированных маршрутов и анализом полученных впечатлений о факторах технической недостижимости потенциального респондента: домофоны, кодовые замки, консьерж, отсутствие звонков на дверях...

А вот приведенное описание обхода, состоящее почти сплошь из дневниковых фрагментов, содержательно явно нацелено прежде всего не на RR, а на выявление фальсификаций и фабрикаций. И это правильно, потому что сравнение RR — достижимость квартир по пройденным маршрутам, — если и может служить какой-то научно-методической цели, то эту цель связать с вопросом, вынесенном в заглавие, можно только очень опосредованно. Рецензенту эта затея представляется абсолютно бессмысленной в принципе. Да и с технической точки зрения, зачем сравнивать RR на маршрутах из 11 интервью, если в результате нельзя сделать никакого — ни статистического, ни теоретического — вывода?

И в этом могут помочь образцы, на которые ссылаются авторы. Тематически самую близкую ссылку находим в резюмирующей части главы 1, в которой рецензируемое исследование ставится в один ряд с «международными методическими исследованиями, посвященными надежности социально-демографических признаков», в которых «совпадение ответов одних и тех же респондентов, опрошенных в разное время, варьирует от 50% до 98%... В нашем исследовании мы попытались обнаружить самих респондентов и потерпели полное фиаско» (с. 25). Учитывая, что в цитируемой статье [Schreiber, 1975] речь идет о респондентах панельного исследования, аналогия изумляет. Если московских респондентов при повторном обходе маршрута в течение часа просто не застали дома или не обнаружили из-за фабрикаций, то в сравнении налицо семантический сдвиг, даже подмена понятий: надежность во времени самоотчетов о социально-демографических признаках неоправданно приравнивается к достижимости респондента по месту жительства в ходе часового повторного обхода через 4 месяца после проведенного опроса.

Если во всей затее видеть цель «разработать экспериментальный план, который заключался в том, чтобы пройти по указанному маршруту и дойти до самих респондентов» (с. 8), надо признать, что эвристическая ценность поставленной цели с подобающей методической четкостью так и не была сформулирована.

В чем, безусловно, есть смысл, так это в проверке качества работы опросной фирмы. Но от этой осмысленной цели авторы через раз открещиваются и зачем-то стремятся измыслить какие-то цели, помимо проверки качества работы. Может быть, для пущей научности? Может быть, потому что аудиторский, по сути, отчет не дотягивает до статуса научной монографии??⁷⁵

Доступность для измерения

В главе 4, «исследующей» доступность респондентов на 5 маршрутах, к сожалению, не приводится сводных данных об обнаруженных фальсификациях и фабриках. Но такие

⁷⁵ В самом деле, интересно, считается ли научным трудом отчет по результатам аудиторской проверки?

данные имеются в постановочной главе 1, и вывод из них делается драматичный: «из 22 заявленных интервью не удалось найти ни одного полного совпадения данных, описанных интервьюером (**курсив О. О.**). Лишь в одной квартире соседи назвали то же имя, однако разошлись в оценках возраста. В трех случаях обнаружены приписки на несуществующие адреса, в семи — жильцы или соседи сказали, что никто с предлагаемыми именами не проживает по данным адресам» (с. 25). Складываем упомянутые в цитате цифры: $1 + 3 + 7 = 11$, а итоги подводятся по 22. Если снова перечитать текст, систематически восстанавливая кодировку результатов посещений второго обхода, и составить сводную таблицу, недостающие 11 кейсов обнаружатся в строке с кодом «нет данных» в таблице.

Таблица 1 Результаты повторного обхода двух маршрутов

	Маршрут 1	Маршрут 2	Итого
1. Нет данных	5	6	11
2. Жильцы/соседи отрицали проживание человека с протокольными характеристиками	3	4	7
3. Совпало имя (не совпал возраст)	1	0	1
4. Указаны несуществующие квартиры	2	1	3
Итого	11	11	22

Код 1, «нет данных», означает, что сведения об указанной интервьюером первого обхода квартире оказались недоступными — не удалось поговорить ни с жильцами квартиры, ни даже с соседями, **т.е. не было никакого контакта, который мог бы прояснить, мог человек с таким именем быть опрошен в искомой квартире или нет.** Таким образом, в ходе второго обхода половина адресов осталась недоступной, недоступность описывается в приведенных цитатах из дневника повторного обхода: «В остальных двух квартирах дома не удалось застать жильцов, соседей также не было дома»; «Первый подъезд так и остался недоступным, в домофон никто не отвечал» (с. 24).

Какие усилия предпринимались для достижения ненайденных респондентов? Повторный обход каждого маршрута занимал около 60 минут: «Обход реализованного маршрута снова занял около часа», — написано о втором маршруте (с. 24). Сколько времени потратил интервьюер при первом обходе, в монографии не сообщается; известно, что второй маршрут при первом обходе интервьюер проходил в течение 3 дней (см. карту на с. 22), а аудирующий методист уложился в 1 час. Нет ясных и исчерпывающих сведений о днях недели и времени суток, в которые делались первый и второй обходы, чтобы хотя бы приблизительно сравнить оценки вероятности застать жильцов дома, с сезонной (лето–зима) корректировкой. В течение одного часа на маршруте можно и вообще никого не застать дома и даже в подъезд не попасть, но можно ли по результату кода 1 принять реализованный способ измерения «устойчивости и надежности собранных материалов» валидным? Представляется, что нет.

Код 2 означает, что контакт был — либо с жильцами самой квартиры, либо с соседями (если в искомой квартире никто не открывал), которые отрицали факт проживания человека с запротоколированным именем. Именно к коду 2 относится случай: «в одной квартире открыли дверь, в которой оказались сразу три человека неславянской внешности. Они недавно сняли квартиру... и ничего не знают о предыдущих жильцах» (с. 24). Остальные цитаты кода 2, приведенные здесь же, содержат явные указания на отсутствие у жильцов

готовности к вовлеченному сотрудничеству. Валидность такого измерения устойчивости собранных материалов также сомнительна. Как и в случае с кодом 3, когда на след респондента указал сосед, который подтвердил проживание в квартире человека с запротоколированным именем, но указал, что запротоколированный возраст не совпадает с действительным.

Единичный разговор с одним соседом — это не улика для методически корректного вывода ни о проживании, ни о возрасте респондента. О том, как соседи и очевидцы (в безобидных для них ситуациях!) путают и меняют показания, любой следователь расскажет много историй. Необходимость установления экспертности соседей продемонстрирована даже на страницах книги, в цитатах из дневниковых записей, но авторы их проигнорировали.

Код 4 соответствует ситуации, когда при втором обходе обнаружилось, что указанных интервьюером квартир нет в природе. Против этого возразить нечего: либо фабрикация, либо грубая — непростительная — ошибка.

Строго говоря, вывод о том, что *«из 22 заявленных интервью не удалось найти ни одного полного совпадения данных, описанных интервьюером»*, указывает не на фальсификацию и фабрикацию опроса, а лишь на то, что методисты, пробежав маршрут галопом за 60 минут, не смогли найти подтверждения проведению опроса. А это две большие разницы. И авторы сами готовы это признать, когда самокритично пишут о том, что можно «сослаться на забывчивость респондентов, давность событий (опрос проходил полгода назад...) или неискренность собеседников во втором разговоре» (с. 25), которые по каким-то причинам отрицают факт опроса и/или проживания запротоколированного лица. Но ведь сюда нужно еще добавить элементарную неинформированность соседей о том, кто мог бы быть опрошен в недоступной квартире почти полгода назад — гость (если вопрос-фильтр о прописке не предусмотрен), съехавший, но ранее проживавший хозяин, (бывший) член семьи или квартиросъемщик... Иными словами, авторы признают возможность невалидного измерения в 8 (7 + 1) случаях и при этом ничего не говорят об 11 случаях, которые совсем не измеряют искомый признак — «устойчивость и надежность собранных материалов».

Репрезентативность: Какие выводы более обоснованы?

Эмпирическую базу текста составили: (1) материалы повторных обходов 8 из 70 маршрутов квартирного опроса, проведенного в рамках одного проекта одной опросной компанией; судя по тексту, маршруты отбирались по принципу доступности и по угадываемым (но, увы, неэксплицированным) теоретическим основаниям; (2) материалы включенного наблюдения «тайных интервьюеров», отработавших на одном проекте в другой опросной компании. По этим эмпирическим данным авторы делают, в частности, следующие обобщения:

«Фабрикации и фальсификации, допускаемые в опросах, отражают особую профессиональную культуру, сложившуюся в России за последние 20 лет» (с. 2, аннотация).

«Теперь, после детального изложения московской части выборки, не остается сомнений в систематичности, тотальности и приемлемости полевых фабрикаций для всей компании» (с. 42).

Возможно, эти обобщения точнейшим образом отражают «референты социальной реальности»; в актуальной общественной атмосфере они выглядят вполне правдоподобно. Однако считать, что эти обобщения получены методически корректно, нельзя. Обобщения не корректны ни относительно «сложившейся профессиональной культуры», потому что замеры сделаны по двум фирмам, ни относительно «систематичности, тотальности и приемлемости полевых фабрикаций для всей компании», потому что в выборку попали по одному проекту в каждой фирме — читай, по одному менеджеру проекта из каждого полевого отдела. Иными словами, обобщения некорректны, потому что сделаны на основе невалидных замеров по двум кейсам, которые никак не могут репрезентировать все поле.

Итоги

По аналогии с упомянутыми авторами «фальсификацией» и «фабрикацией» приходит на ум «мистификация» — «намеренное введение кого-либо в заблуждение путем создания иллюзии, правдоподобия» [мистификация], в том числе, как в экспериментах Гарфинкеля, и с благими намерениями — ради истины.

Затронуты важные проблемы, связанные с трудом интервьюеров и полевиков, организацией полевой работы; болевая точка выбрана верно, диагноз поставлен правдоподобный и, возможно, очень точный. Однако очевидно и то, что написание научного труда имеет свои специфические трудности, которых не знает, скажем, написание художественных, публицистических или (само)рекламных текстов.

Рецензируемый труд демонстрирует, что методическая работа — безусловно, полезное, практичное дело, что срывание масок благообразия с некачественных образцов производства общественных благ — (само)описания общества — можно и нужно делать без эпатажа, аккуратно и демонстративно, все напоказ, чтобы любой заинтересованный (с минимальным прилежанием к предмету), как минимум, понял, что и как в принципе нужно делать, чтобы получить достоверное и надежное знание. Опубликование отчета о реализованном методическом проекте чрезвычайно важно как действенное приглашение к критике проделанной работы и ее продолжению. Эту позитивную сторону не может отменить высказанная в рецензии критика.

Оберемко О.А., доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ

Литература

- 1 Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- 2 Мистификация // Энциклопедия социологии. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_big/Mistifikacija-37429/ (дата обращения — 28.07.2015).
- 3 Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. М. и др.: Питер, 2007.
- 4 Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006.
- 5 Кэмпбелл Д.Т. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980.

- 6 Bohrnstedt G.W. Validity // Encyclopedia of Sociology. 2nd ed. / Ed. by E.F. Borgatta, Rh. Montgomery. N.Y. etc.: Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 5. P. 3207–3212.
- 7 Marwell G. Experiments // Encyclopedia of Sociology. 2nd ed. / Ed. by E.F. Borgatta, Rh. Montgomery. N.Y., etc.: Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 2. P. 887–892.
- 8 Schreiber E.M. Dirty Data in Britain and USA: the Reliability of “Invariant” Characteristics Reported in Survey // Public Opinion Quarterly. 1975. Vol. 39. Issue 4. P. 493–506.